

Основой монастырского общежития должно быть равенство: «Ведь коли ровно, ино то и братство, а коли не ровно, которому братству быти? — ино то иноческаго жития нет» (стр. 180).⁵ При этом, вспоминая годы своей юности, Грозный ссылается на обычаи монастырей, где «равенство и по се время держалося — холопом и бояром и мужиком торговым» (стр. 179). Неравенство перед богом, так же как и неравенство в среде монахов, по словам Грозного, чуждо христианству — «то Махметова прелесть... Ино то по тому же быти в царствии небесном: кто здесе богат и велик, тот и там богат и велик будет? ... Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин боярства не състрижет, а холоп холопства не избудет? Да како апостолово слово: „несть еллин и скиф, раб и свобод: вси едино есте о Христе“? Да како едино, коли боярин по старому боярин, а холоп по старому холоп? А Павел како Анисима Филимону братом нарече, его существеннаго раба?» (стр. 179). Указывает Грозный и на то, что на страшном суде судьями царей окажутся праведники — рыболовы и поселяне (стр. 180).

Конкретная и очень узкая социально-политическая направленность этих сентенций ясна. В то же время они восходят к общему комплексу христианских представлений, что допускает возможность сближения позиции Грозного с так называемой еретической литературой. Это могло бы послужить предостережением для исследователей, склонных на основании подобного типа цитат делать подчас ответственные выводы о реформационных взглядах русских мыслителей XVI в. В высказываниях этих заметно и воздействие нестяжательской мысли (возможно, даже и обсуждения вопросов церковной жизни в пору подготовки Стоглавого собора), что лишний раз свидетельствует об условности резких разграничительных линий между нестяжательством и иосифлянством в воззрениях и в политической практике государственных деятелей.

Грозный подчеркивает, что писал Послание «иноческаго для жития» (стр. 192), «монастырьскаго для безчиния» (стр. 178), «монастырьскаго для чину и слабости» (стр. 177). Нарочитое старание отвести мысль, будто гнев на бояр-постриженников был поводом к составлению Послания (см. стр. 177, 178, 179, 190), кажется, конечно, подозрительным, тем более что хорошо известны факты преследования Грозным придворных и после того, как они приняли монашеское обличье. Да и из Послания видно, что царь опасался, как бы монастырь не стал местом боярского заговора (не случайно он настаивал, чтобы богатый постриженник «только бы ел один, а сходов бы да пиров не было», — стр. 191).

Послание действительно «в значительной степени, — как полагает Я. С. Лурье, — направлено против превращения монастырей в боярских вассалов или в замаскированные боярские вотчины» (стр. 480). Но политическая тенденция Послания отнюдь не сводилась только к этому. Грозный опасался и своеволия церковников, и их слишком действенного участия в политической жизни. Мысль о всевластии Сильвестра не покидала царя: он писал об этом и в середине 1560-х годов (первое послание Курбскому), и в последние годы жизни (второе послание Курбскому, приписки к лицевым летописям⁶). Встречаем имя Сильвестра и в рассматриваемом

⁵ Интересен в этой связи пример буквальности мышления Грозного, что вообще свойственно было людям средневековья. Он полагал, что большой вклад в монастырь, более пышное поминовение обеспечат большее благополучие и на том свете (см. замечание о церкви, поставленной Воротынскому, — стр. 173), и не желал, чтоб бояре оказались там в более благоприятном положении.

⁶ С. О. Шмидт. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного. — Советские архивы, 1966, № 1 и 2.